

Юстинас Марцинкявичюс — один из лучших современных поэтов Литвы. Первое произведение Юстинаса появилось почти пятнадцать лет назад — поэма «Двадцатая весна». Она была отмечена Государственной премией Литвы и серебряной медалью на шестом Всемирном фестивале молодежи и студентов. Вторая поэма — «Кровь и пепел» тоже получила широкую известность.

Повесть Марцинкявичюса «Сосна, которая смеялась» переведена на русский, английский, французский, немецкий и другие языки мира. Заслуженное признание читателей выпало на долю новой поэмы «Стена». За последний сборник стихов «Пылающий куст» поэту присуждена премия комсомола республики. На театральном фестивале, посвященном 50-летию комсомола Литвы, главный приз достался Клайпедскому театру за постановку поэтического спектакля «Падающие звезды» по стихам Юстинаса. Совсем недавно новая драма-поэма «Миндаугас» была отмечена Государственной премией.

Как видите, у поэта не было «несчастливых» произведений. Каждая книга его получила высокую оценку. В чем секрет творчества Юстинаса? Что думает о писательском труде сам поэт?

Наш корреспондент А. Рагайшис попросил Ю. Марцинкявичюса ответить на эти вопросы.

* * *

Первое стихотворение в школьной стенгазете было моим началом. По моему глубокому убеждению, писатель все время живет «с начала». В каждой книге он начинается сызнова, хотя жизненный и писательский опыт помогает ему. Писатель счастлив до тех пор, пока он хочет и мо-

И КАПЛЯ, И МОРЕ

РАЗДУМЬЯ
ПИСАТЕЛЯ

жет идти, пока живо в нем желание познать истину. Из этого и складывается его писательская биография. Даже последний день его жизни может быть началом.

Природа пока не знает ничего более сложного, чем человеческая душа. Чего только она не вмещает в себя! Не вижу существа искусства, если оно не посвящается человеку.

Так вот, создавать, совершенствовать человека или отрицать и разрушать его? Это вопрос мировоззрения художника. Кстати, этой проблеме, вопросам отношения человека к обществу, сложному пути становления характера молодого человека и была посвящена моя повесть «Сосна, которая смеялась». Мне очень больно видеть способных людей, лица которых как бы отмечены печатью нигилизма, мировой скорби, всеобщего отрицания и недовольства. Не хочу быть наивным оптимистом, вполне понимаю, что история накопила достаточно материала, чтобы, пользуясь им, создать довольно мрачную философию, бояться жизни, остерегаться сквозняков эпохи. И все равно вечный вопрос «ради чего жить» для меня звучит как этический вопрос «как жить». Жизнь приобретает смысл только в том случае, когда мы требовательны к себе. Даже не понимая того, каждый человек ежедневно и ежечасно отвечает на этот вопрос всей своей деятельностью, всеми своими духовными порывами. И в

каждом случае это именно его ответ, личный и неповторимый. Увидеть в нем тончайшие движения человеческой души, ее диалектику, ее суть и ее утверждающий пафос — вот что, по-моему, самое важное.

Моя цель — работать, писать для людей, которые окружают меня, которые во мне. Их много, очень много, и они даже не представляют, как своим существом помогают мне. Благодаря им моя жизнь приобретает смысл. Они завладели моими мыслями и моей рукой, как я овладеваю их судьбами, когда берусь за перо.

Я — за вечное обновление искусства, за творческий поиск и смелый эксперимент, но только во имя человека, во имя прекрасного. Я против упрощенчества, против немимой понятности. Стремление к ним говорит о недоверии к человеку, о неверии в возможности зрителя, читателя, слушателя. Искусство призвано раскрыть эти возможности, помочь реализовать их и этим обогатить человеческую личность. Только так я представляю взаимоотношения искусства и человека, воспринимающего искусство.

Я всегда думал о людском море, где каждая его капля живет, работает, радуется и страдает, и каждая счастлива счастьем моря. Поэт — это и капля, и море.

Быть творцом — значит всегда стремиться к постижению сокровенного смысла ти-

шину. Поэт должен помогать добру творить, я уверен в этом его назначении.

Иногда слышишь: «Оптимизм — это трудность». Мне от этих слов становится скучно. Самые светлые и сильные люди были оптимистами. Я защищаю оптимизм, его музыка захлестывает меня. Не просто угадываю ее, слышу своим воображением, но воспринимаю всем существом. Но это вовсе не означает однозначности моих впечатлений. Я живу, споря с собой, утверждая и отрицая, плача и смеясь. По-видимому, не так уж и оригинальна эта формула, но мне, как поэту, не нужна другая. Может быть, именно поэтому я с такой радостью встретился снова с драматургией.

После соприкосновения с ней, даже самого застенчивого, даже если она, драматургия, оставляет тебя или ты оставляешь ее, все равно становишься обогащенным, более зрелым, острее понимающим мир, более «конфликтным» и чувствительным.

Я очень люблю «поэтический театр». Он должен жить и укреплять ростки. Но горе нам, если все театры станут поэтическими. Современный, а если хотите, и театр будущего я представляю, как синтез элементов драматического и поэтического. Это театр, очищенный от обыденщины, театр больших героев и великих страстей, театр, в котором просторно широкому мышлению и действию. Да простят мне, что я, новичок, разрешил себе так категорично и смело

рассуждать о театре. Люблю его и считаю одним из величайших чудес. Не могу согласиться, когда эта сложнейшая электронно-вычислительная машина души человеческой используется для того, чтобы проверить решение задачи типа дважды два.

Хочется чаще слышать со сцены очищенное, организованное слово, которое облагораживало бы натуру молодого человека. Хочется слышать монолог, в котором можно страдать, гибнуть и снова воскреснуть. Пусть писатели поймут меня правильно. Я не агитирую всех писать драмы в стихах. Просто высказался против сумбурного, приращенного, беспорядочного слова, которое, увы, все еще пробивает себе путь на сцену под девизом: «Вот она — жизнь, какова есть»...

Теперь, когда прошло время, я думаю, что драма-поэма «Миндаугас» была для меня не случайной, что основные идейные и художественные концепции ее давно складывались, и прежде всего в поэмах. Я, кажется, нащупал основную тему — место человека, его судьбу и назначение в мире. В этой драме действуют два летописца — Черный и Белый. Они выражают два взгляда на историю, на человека, на жизнь. Это не только драматическое средство, это вместе с тем социальная и эстетическая концепция. Но между Черным и Белым летописцами всегда есть место третьему. Этот третий — зритель, который должен выработать свою позицию, свое отношение к происходящему.

Для него, третьего, я и пишу свои вещи. Хочу понять его и хочу, чтобы он понял меня.

ЮСТИНАС МАРЦИНКЯВИЧЮС.

Вильнюс.